

«РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ (1900)

Предисловие К. Н. Ломунова

Публикация Е. С. Серебровской

Ниже публикуются несколько еще не бывших в печати вариантов рукописей статьи Толстого «Рабство нашего времени». Законченная в 1900 г., статья эта — одно из сильнейших публицистических произведений позднего Толстого. Главная ее тема — рабочий вопрос, положение фабрично-заводского пролетариата в буржуазном обществе.

В статье Толстого и в публикуемых вариантах ее дана острейшая критика пороков буржуазной цивилизации, критика тех сторон буржуазного прогресса, которые до глубины души возмущали писателя-гуманиста. Толстой гневно обрушивается на ученых экономистов, прославляющих выгоды разделения труда, являющегося основой быстрого роста капиталистической промышленности. Особенно возмущался он тем, что тысячи рабочих заняты на фабриках и заводах производством предметов, доставляющих «людям достаточных классов» удобства, комфорт, роскошь и «удовольствия жизни».

Толстой подвергает критике тех «социалистов», которые писали о том, что и при обобществлении средств производства сохранится подобное разделение труда. Такие теоретики, по мнению Толстого, не видят глубокой связи, существующей между конкретными формами разделения труда в капиталистическом обществе и самими основами этого общества, построенного на порабощении и угнетении трудящихся. «Если бы действительно рабочие овладели всеми орудиями производства, — пишет Толстой, — то случилось бы совершенно иное, чем то, чего ожидают социалисты» (вар. к гл. VI). Первое, по его мнению, что сделали бы рабочие — это «перестали бы работать те предметы, которые не нужны для большинства» и устранили бы условия работы, «губительные для их телесного и душевного здоровья».

В статье «Рабство нашего времени» острейшей критике подвергнута буржуазная демократия, основой которой служит обман народных масс правящими классами, в чьих руках находится правительственный аппарат, армия, финансы и другие могучие средства воздействия на порабощенные трудовые классы. «Не только в деспотических государствах, как Россия, — пишет Толстой, — но во всех конституционных демократических республиках происходит то же самое: деньги насильно отбираются у большинства и употребляются так, как это выгодно правящим классам» (вар. к гл. X).

Сильные критические удары, наносимые Толстым буржуазному «рабству нашего времени», ослабляются надуманными рецептами спасения человечества, которые он предлагал. В качестве универсального средства борьбы с этим рабством Толстой выдвигал «простое» неучастие в делах буржуазных правительств — не служить в армии, не платить подати, не работать на фабриках и заводах и т. д.

Видя ясно заблуждения Толстого и понимая породившие их причины, мы высоко ценим те страницы его произведений, в которых с огромной силой звучит его могучий голос страстного протестанта, великого критика и обличителя несправедливого общественного строя, горячего защитника интересов трудящихся, выразителя их надежд и чаяний. Этот голос мы слышим и в печатаемых впервые вариантах одного из важнейших публицистических произведений писателя.

ВАРИАНТЫ К РАЗНЫМ ГЛАВАМ*

К ГЛАВЕ II

Мне рассказывали, что какой-то гвардейский офицер, кутила, мазал свою пролетку вместо сала французской помадой по 3 р. за банку, потому что он так задолжал везде, что никто ему уже не верил в долг, кроме парикмахера. Разве не то же самое происходит в нашем обществе? Только вследствие запутанности и безумия нашего общества тратится не французская помада, а жизнь человеческая.

Рук. № 7.

К ГЛАВЕ IV

В действительности же, как бы ни казалось поверхностно хорошо положение фабричного рабочего в сравнении с сельским, положение земледельца хозяина всегда останется самым лучшим, свободным, достойным и наиболее соответствующим телесному и духовному развитию человека и потому наиболее желательным для всякого неразвращенного человека.

Как бы ни была облегчена работа, как бы велико ни было вознаграждение, губительное для души и тела, одуряющее и развращающее влияние подневольной с машиной, однообразной работы остается то же, если только рабочие будут работать на тех же заводах и фабриках при теперешнем крайнем разделении труда, как это всегда предполагается, когда говорят об улучшении положения рабочих.

Правда, что экономическая наука нигде прямо не говорит этого, но она всегда подразумевает, что то крайнее разделение труда, которое существует теперь, останется таким. И при таком-то *крайнем* разделении труда, при котором положение рабочих не может не быть бедственным, экономическая наука предполагает улучшить это положение и даже при обобществлении труда, поставленном идеалом, довести его до совершенства.

И потому, казалось бы, вопрос, требующий решения, состоит не в том, как улучшить положение рабочих на существующих заводах, а в том, чтобы найти причины, выгнавшие людей из деревни, из естественной людям жизни среди природы, с свободными занятиями земледелием и промыслами, и пригнавшие в губительные фабричные условия — и, найдя эти причины, устранить их.

Рук. № 32.

К ГЛАВЕ VI

Если бы действительно рабочие овладели всеми орудиями производства, то случилось бы совершенно иное, чем то, чего ожидают социалисты.

Если бы рабочие стали свободны, то первое, что бы они сделали, это то, что они перестали бы работать те предметы, которые не нужны для

* В Архиве Толстого хранится 1962 листа рукописей, относящихся к «Рабству нашего времени». После напряженного, кропотливого труда Е. С. Серебровской удалось все черновики трактата расположить в хронологической последовательности их написания. Такое расположение рукописей дало возможность проследить ход работы Толстого и выявить большое количество вариантов. Частично варианты трактата опубликованы: в кн. «Лев Толстой. Незаданные тексты». М., 1933, стр. 356—366 (№№1—13); в журн. «Октябрь», 1940, № 1, стр. 180—184 (№№1—13) и в т. 34, с. 491—502 (№№1—14).

Здесь публикуется еще пятнадцать вариантов, расположенных по порядку глав, с указанием, из какой рукописи взят каждый вариант. — *Ред.*

большинства, и перестали бы работать в тех условиях теперешнего крайнего разделения труда, губительного для их телесного и душевного здоровья, и сама собой уничтожилась бы большая часть тех заводов и фабрик, которые существуют теперь, и перестали бы производиться те предметы, которыми достаточные классы пользуются теперь и которыми они хотят наградить и рабочих.

Рук. № 7.

К Г Л А В Е VI

Разделение труда выгодно, но для людей свободных существует очень определенный предел разделения труда. Как только разделение труда не добровольно, как только оно убивает душевные способности людей, так, очевидно, оно может быть выгодно только тем, которые пользуются таким трудом других людей, а не сами работают. Для компании железных дорог, очевидно, выгодно заставлять одних людей в продолжение 37 часов подряд грузить вагоны, и для фабриканта шелковых материй выгодно брать на эти работы девушек из деревни, но для всех людей, очевидно, не выгодно то, чтобы люди, способные на самые разнообразные, полезные для человечества труды, сокращали свою жизнь и превращались в вьючных животных, и здоровые женщины губили своих детей. Так что предположение о том, что при осуществлении социалистического идеала все люди будут продолжать работать при условии теперешнего разделения труда, совершенно фантастично. Так что социалистический идеал о том, что рабочие, овладев орудиями производства, будут пользоваться теми предметами, которыми пользуются теперь богатые люди, есть или нелепая фантазия, или проект самого ужасного рабства всех. Если бы действительно рабочие овладели всеми орудиями производства, то случилось бы совершенно иное, чем то, чего ожидают социалисты. Если бы рабочие стали свободны, то первое, что бы они сделали, это то, что они уничтожили бы большую половину всех тех заводов и фабрик, которые существуют теперь, и стали бы производить совсем другие предметы и совсем иными способами, чем какими они производятся теперь.

Рук. № 45.

К Г Л А В Е VII

И точно так же, как тогда самые передовые противники крепостного права требовали полного освобождения крестьян, но с не оставившей их задней мыслью о том, что положение освобождающих от этого все-таки не изменится (спор об освобождении с землей или без земли — имел только то значение, что оспаривавшие освобождение с землей боялись, что такое освобождение изменит положение господ). Точно так же и самые передовые люди нашего времени — социалисты, требуя полной передачи рабочим орудий труда, при этом все-таки молчаливо предполагают, что будет продолжаться производство тех же предметов и с теперешним же разделением труда, дающим то обилие предметов роскоши, которыми они пользуются.

Рук. № 33.

К Г Л А В Е VII

Люди достаточных классов так привыкли к той роскоши, тем удовольствиям и тем удобствам жизни, которыми пользуются, что им кажется,

что без этих условий жизнь будет не жизнь и что всякое изменение того, что они называют культурой, будет погибелью всего самого драгоценного для человечества. То, что эта культура, которой они так дорожат, достигнута и держится среди нас только благодаря самому жестокому рабству, которое никак не совместимо с культурой, нисколько не смущает их.

На каждом шагу приходится вспоминать меткое слово Герцена: «Чингиз-Хан с телеграфами!». Приходится вспоминать потому, что слово это живо изображает положение нашего общества. Разве это не Чингиз-Хан с телеграфами — фабрика с электрическими двигателями и светом, ценою жизней человеческих производящая табак, стекло, шелковые материи? А ведь вся фабричная промышленность со всеми производимыми ею чудесами есть не что иное, как это самое.

Теперешнее общество с политической экономией во главе говорит. *Fiat cultura — pereat * свобода и жизнь людей.* А между тем для науки на основании разума, рассматривающей отношения людей, на первом плане должны быть поставлены жизнь и свобода человеческие, а потом уже культура, разумея под ней производимые ею удобства жизни, и то не для всех, а для малой части людей.

Рук. № 43.

К ГЛАВЕ VII

Очень может быть, что рабство было необходимым и считалось неизбежным условием жизни человечества, было необходимо для того, чтобы были люди, которые бы лезли под землю добывать железо, плавить и ковать его, но в наше время, когда рабство несовместимо с нашими нравственными требованиями, лезть под землю, работать на химическом заводе, быть кочегаром может не оскорбляя нашего нравственного чувства, только тот человек, который свободно пойдет на это. И в наше время с тем увеличением производительности, которое приобрел человек благодаря машинам, нет никакого труда устроить жизнь так, чтобы человек делал необходимые для себя предметы, не губя своих телесных и душевных сил.

Рук. № 32.

К ГЛАВЕ VII

Когда в наше время говорят о рабстве рабочих, то обыкновенно думают, что такое выражение есть только метафора, преувеличение, не имеющее реального значения, что рабов в настоящем значении этого слова уже нет и что хотя рабочие и находятся в зависимости от капиталистов, они все-таки не рабы, а свободные люди. В этом ложном представлении, вытекшем из ложных положений экономической науки, имеющей целью только оправдание существующего устройства, и лежит главная причина недействительности всех тех мер, которые предпринимаются и предлагаются теперь для улучшения положения мнимо свободных рабочих. Вместо того, чтобы отыскивать средства уничтожения рабства, придумываются и предполагаются средства облегчения положения рабов.

Нужно не выдумывать мнимые социологические законы, а признать то, что теперешние рабочие — рабы в самом действительном, прямом значении этого слова; — и не улучшать их положение, оставляя их рабами, а уничтожать то, что держит их в рабстве, освободить их.

Рук. № 59.

* Да здравствует культура — да погибнет (лат.).

К ГЛАВЕ X

Общая причина, производящая рабство, есть, стало быть, узаконенное насилие.

На чем же основано это насилие и предполагаемая законность его?

В первом случае, в взимании податей, законность насилия основывается на том, что будто бы подати собираются с народа с общего согласия

Самый дешевый товар.

За несколько дней перед продажей
 мы по м.т. явились в уездный
 сельский крестьянский, сельский
 уездный сельский на поварной
 станции Канской п.д. Несмотря
 на то, что он из худших из сель-
 ских, как все наши редкие кре-
 стьяне, мы за него задал 25 р. в
 год и послал в продолжение
 года в год на подати и нужды
 около 100 р., он сказал мне,
 что не хочет больше служить
 и уходить. Ему тяжело работа
 в продолжение 12 часов на мороз,
 дома, особенно много работы
 много труднее, но для ^{нужды} ~~здоровья~~
 то ^{н.н.} ~~первый~~ ^{второй} ~~работы~~
~~то второй~~ ~~работы~~

«САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ТОВАР» — РУКОПИСЬ
 ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ СТАТЬИ «РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ»,
 ДЕКАБРЬ 1899 — ЯНВАРЬ 1900 гг.

Копия с правкой Толстого
 Архив Толстого, Москва

и для общего блага. Утверждают, что подати нужны для того, чтобы защищать народ от врагов (войска), учреждать порядок (судьи, чиновники), поддерживать религию, науки, искусства, пути сообщения, земледелие, торговлю, образование. Но ведь все это неправда. Подати установлены

не потому, что народ согласен платить их, и не потому, что они должны употребляться на общественные нужды, а подати установились потому, что одни люди захватили власть над другими людьми и наложили на них дань. Со временем же, желая оправдать это незаконное и жестокое отбирание у бедных имущества в пользу богатых, было придумано объяснение, оправдание этого грабежа и были делаемы и делаются некоторые подобия употребления ограбляемых денег на общественные нужды. Не только в деспотических государствах, как Россия, но во всех конституционных демократических республиках происходит то же самое: деньги насильно отбираются у большинства народа и употребляются так, как это выгодно правящим классам. И потому оправдание отнятия части трудов бедных для богатых ради общественной пользы — неверно. Не для общественной пользы и не столько, сколько нужно для этой пользы, а отнимается для богатых классов и столько, сколько можно. Употребляется же для общественной пользы как можно меньше — столько, сколько нужно для приличия, для того, чтобы обмануть массы и держать их в покорности.

Доказательством того, что это оправдание неверно, служит то, что для взыскания податей всегда употребляется насилие. Если бы подати отбирались для общественной пользы, то люди сами свободно бы отдавали свою лепту на общее дело, как они отдают и теперь во всякого рода неправительственных союзах, подписках.

Так что одна из причин рабства — подати — не имеет никакого разумного и потому законного основания, а есть просто грубое насилие отнимания у рабочего народа части его труда и тем принуждающее его отдаваться в рабство.

Рук. № 30.

К ГЛАВЕ XIII

Но если бы люди послушались вас и стали бы делать то, что вы советуете, что бы вышло из этого?— спрашивают люди, всегда вперед уже давая ответ, состоящий в том, что выйти из такой деятельности ничего не может, что если только некоторые (малая часть) будут поступать так, то не изменят существующего порядка, а будут задавлены и потому только напрасно погубят свои жизни; если же большинство поступит так и действительно распадется организованное насилие, т. е. правительство, то из этого ничего не выйдет, кроме ужаснейших буйств, грабежей, убийств, всякого рода преступлений. Люди не видели никогда ничего другого при всяком временном уничтожении правительств и потому, казалось бы, основательно предполагают, что это и не может быть иначе. Не сложить тысячи кирпичей высоким в несколько сажен узким столбом с неустойчивым равновесием. И действительно, всякий вынутый кирпич разрушит все устройство и погубит кирпичи, но это никак не доказывает того, чтобы разумно с устойчивым равновесием положенные кирпичи не могли выдержать тяжести или вынимания кирпичей. То же и с государственным устройством. Государственное устройство есть весьма искусственно ненужное и с неустойчивым равновесием устройство, и то, что малейший толчок разрушает его, не только не доказывает того, что оно необходимо, но, напротив, показывает то, что оно не нужно, вредно и опасно.

Не нужно же, вредно и опасно оно потому, что оно употребляет для воздействия, для управления людьми, руководства их, то средство, которое несвойственно употреблять по отношению людей — людей нашего времени — именно насилие. Люди нашего времени, все европейские христианские народы доступны разумному убеждению, и потому естест-

венное свойственное людям средство воздействия на людей есть разумное убеждение; и разумное убеждение так связывает людей между собою, что как скоро связь на разумном убеждении установилась, она всегда выгодна людям, не представляет никакой опасности и так прочна, что ничто уже не может разрушить ее.

Если же связь, производимая насилем, так не прочна, и разрушение ее опасно, то происходит это оттого, что связь эта не есть истинная внутренняя химическая связь, а внешнее сцепление, которое держится только до тех пор, пока внешняя сила действует. В сущности, связь, производимая правительственным насилем, есть только видимость, фикция — связи нет. Все то благоденствие народов, которое представляется нам в так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только обман: все, что может нарушить внешнее благообразие, — все голодные, больные, развращенные, все распределены по своим местам и только не показываются на глаза, а они есть, и большей частью их тем больше, чем больше они скрыты. Всякое нарушение, а тем более прекращение правительственной деятельности насилия произведет полное расстройство жизни, остановку ее, говорят люди, и они совершенно правы.

Представим себе прекрасно устроенный огромный электрический генератор, который передает всем живущим по домам рабочим двигательную силу. Представим себе, что грубые, не понимающие дела и, кроме того, корыстные люди, завладев этой машиной и не умея обращаться с ней и не желая этого, переломали все и устроили свои конные двигатели, на которых они заставляют народ работать. Несомненно, что остановка и расстройство этих конных двигателей произведет остановку и расстройство жизни всего населения. Но это никак не доказывает того, чтобы эти конные двигатели, заведенные в местности, где был электрический генератор, были благодеянием и чтобы без них нельзя было жить и чтобы их не следовало разрушить, как только люди этой местности поняли, какой у них был более выгодный электрический двигатель и они умели обращаться с ним. Электрический генератор — это разумное убеждение людей, которое всегда связывало и связывает и будет связывать их между собою; конные грубые приводы — это насилие, которое хочет производить то же действие, как разумное убеждение.

Рук. № 70.

К ГЛАВЕ XIII

Как только солдаты и деньги в руках правительства, так оно тотчас, заставив солдат присягать на евангелии о том, что они будут во всем беспрекословно повиноваться поставленным им начальникам, подвергает их искусным, веками выработанным, приемам одурения, вытравления из них всего человеческого и озверения, потом вооружает их, подкупает для них начальников и, имея в своих руках это ужасное, безвольное оружие насилия и убийства, готовится на совершение всякого рода нужных для удержания своей власти преступлений и не переставая совершает их.

Рук. № 129.

К ГЛАВЕ XIV

Богатые, властвующие люди кажутся толпе счастливыми. Им кажется, что, живя в дворцах с лифтом, электрическим освещением, звонками, велосипедами, утонченными яствами и питьями, театрами, концертами, люди эти блаженствуют, но их положение рабовладельцев развратило

их, изнежило, лишило всех свойств, дающих счастье, сделало их одинокими, постоянно беспокойными и озлобленными против рабов, над которыми они властвуют и которых не переставая бояться. Обман, посредством которого правительства держат в рабстве людей, ни для кого не выгоден и держится только глупостью и дурными страстями людей: одни люди не видят этого обмана, другие, и видя его, ошибочно думают, что участие в нем выгодно для них; третьи поддерживают его потому, что, начав участвовать в нем, как зарвавшиеся игроки, не знают, как остановиться.

Так что насилие правительства держится обманом. И истинное средство уничтожения насилия не есть другое насилие, а обличение обмана: приведение людей к сознанию того, что они обмануты.

Поняв то, что правительство обманывает их, люди должны перестать пользоваться правительственным насилием, перестать участвовать в нем и поддерживать его. Правительства же все держатся только на том, что люди, надеясь воспользоваться выгодами правительственного насилия, участвуют в нем и поддерживают его.

Рук. № 85.

К ГЛАВЕ XIV

Для того, чтобы люди перестали поддерживать обман, надобно, чтобы они поняли, что он всегда невыгоден для них.

Как для того, чтобы избавиться от бедствия, производимого рулеткой или кабаками, разрушающих и губящих людей, есть только одно действительное средство — ясное сознание того, что рулетка и кабак губительны для блага людей, точно так же и для того, чтобы уничтожить насилие правительства, нужно ясное сознание, что этот правительственный обман всегда губителен для людей и не может принести им пользы. Нужно, чтобы люди ясно поняли, во-первых, то, что среди христианского мира нет никакой нужды в защите народов друг от друга, что все вражды народов между собою вызываются только правительствами и что поэтому войска, которые собирают правительства, нужны только для них, для народов же не только не нужны, но в высшей степени вредны, служа орудием порабощения людей. Во-вторых, нужно, чтобы люди поняли то, что ограждение земельной собственности и приобретенных предметов выгодно только для правительств, богачей, капиталистов, для народа же вообще, у которого отнята земля и нужные ему предметы именно посредством этого ограждения, оно всегда не только убыточно, но служит главным средством его порабощения.

В-третьих, нужно, чтобы люди поняли, что всякое их признание законности правительства и всякое участие в нем, в виде ли членом парламента, присяжных чиновников на жалованье у правительства, есть губительное закрепление себя во власть правительственного обмана насилия.

Для того, чтобы люди могли освободиться от правительств, им надо понять, что правительства суть не высшие священные учреждения, как это усиленно внушается им агентами правительств, а разбойнические и мошеннические шайки, подавляющие и эксплуатирующие массы и не брезгающие никакими средствами от пользования предательством, шпионством, до убийства и мученичества невинных людей, только чтобы удержать свою преступную власть над людьми.

Людям же, стоящим внизу лестницы, — рабам, надо понять, что признание их правительства и участие в нем всегда для них невыгодно, и, кроме того, унижительно и безнравственно, что, признавая правительство и поддерживая его, они будут участниками его преступлений, совершаемых против них же, и всегда будут рабами, и что поэтому, если они не

хотят быть в накладе и быть рабами, им надо не признавать правительства, не пользоваться им, не участвовать в нем.

И потому для уничтожения правительств нужно ясное сознание их бесполезности и преступности и вследствие этого сознания — воздержание от участия в нем. Чтобы уничтожить разоряющий своим соблазном жителей местечка трактир или игорный дом, есть только одно средство: перестать всем пользоваться этими заведениями и тем уничтожить их.

Так же должны быть уничтожены правительства.

Рук. № 90.

К ГЛАВЕ XIV

Люди освободятся от правительственного насилия только тогда, когда они ясно поймут, что такое правительство, и в чем состоит то средство, коим оно властвует над людьми.

Средство это состоит в самом коварном обмане и в самом утаении преступления. Обман же состоит в том, что войска, которые учреждаются и воспитываются для мнимой обороны государства, нужны только для малого числа властвующих; для народов же не только не нужны, но в высшей степени вредны, служа орудием порабощения людей; ужасное же преступление состоит в том, что для своих корыстных и жестоких целей правительства под видом дисциплины умышленно и сознательно развращают людей, приучая их к отречению от своей совести и разума и преступлению и приготовлению к преступлению.

Рук. № 99.

К ГЛАВЕ XIV

Обман, посредством которого это совершается, состоит в том, что малое число властвующих людей, получившие власть от предшественников, установленную завоевателями, говорит большинству: вас много, вы глупы и необразованны и не можете ни управлять сами собой, ни устраивать свои общественные дела, и потому мы берем на себя эти заботы: мы будем защищать вас от внешних врагов, будем устраивать и поддерживать среди вас внутренний порядок, будем делать между вами суд, будем заводить и блюсти для вас общественные учреждения: училища, пути сообщения, почты, и вообще заботиться о вашем благе, а вы только исполняйте те небольшие требования, которые мы предъявим вам и, между прочим, и то, чтобы отдавать в полное наше распоряжение небольшую часть ваших доходов и самим поступать в войска, которые нужны для вашей безопасности и вашего управления. И люди большинства не потому, чтобы они взвесили выгоды или невыгоды этих условий (они никогда не имеют возможности это сделать), а потому, что они с самого рождения уж застают себя в этих условиях, соглашаются на это. Если и возникают в людях сомнения о том, нужно ли это, то каждый думает только о себе, боится пострадать за отказ от исполнения этих условий, каждый надеется воспользоваться для своей выгоды этими условиями, и все соглашаются, рассчитывая на то, что отдача правительству небольшой части своего достатка и согласие на военную службу не может особенно повредить его жизни. А между тем согласие на требование правительства лишает его всего, что только драгоценно для человека. Как только деньги и солдаты во власти правительств, так они вместо исполнения взятого на себя обязательства защищать своих подданных от внешних врагов и устраивать их благо получше, делают все возможное для озлобления соседних народов и возбуждения войн и не только не содействуют внутреннему благоденствию своих народов, но разоряют и развращают их, внушая им при этом посредством ложнорелигиозного и патриотического воспитания не только

слепую покорность своей воле, но и восхваления всех своих действий и обожание себе, т. е. членам, составляющим правительства.

В «Тысяче и одной ночи» есть рассказ о том, как, попавши на необитаемый остров, путешественник находит на берегу ручья сидящего на земле с высохшими ногами старичка. Старичок просит путешественника перенести его через ручей, взяв на плечи. Путешественник соглашается, но как только старичок уселся на плечи путешественнику, так тотчас же обвивает ногами его шею и уже не выпускает. Овладев путешественником, старичок понукает им, как хочет, срывает с деревьев плоды, сам ест их, не давая ничего несущему, и еще всячески надругивается над ним.

Это самое совершается с народами, давшими правительствам солдат и деньги. На деньги правительства покупают оружие и нанимают или приготавливают воспитанием бессовестных озверелых военных начальников. Начальники же посредством веками выработанных искусных приемов одурения, называемых дисциплиною, приготавливают из забранных в солдаты людей дисциплинированное войско. Когда же во власти правительств это безвольное орудие насилия и убийства, то весь народ в их власти, и они уже не выпускают его и не только разоряют, но еще и надругиваются над ним, внушая посредством ложнорелигиозного и патриотического воспитания преданность и даже обожание себе, т. е. тем самым людям, которые держат весь народ в рабстве и мучают его.

Недаром все короли, императоры, президенты так дорожат дисциплиною, так страшатся ее нарушения и считают самым важным делом смотры, маневры, парады, церемониальные марши и тому подобные глупости. Они знают, что все это поддерживает дисциплину; на дисциплине же основаны не только их власть, но и их существование.

Старичок знает, что если только он слезет с плеч путешественника, то он погибнет, и потому единственное средство его существования состоит в том, чтобы душить того, на ком он сидит.

Дисциплинированное войско не нужно даже для оборонительной войны, как это много раз проявлялось в истории, и как это на днях показала война в Африке; дисциплинированное войско нужно только для завоеваний, т. е. грабительства или для брато- и отцеубийств, как это выразил самый глупый или дерзкий из коронованных людей Вильгельм II, сказав своим солдатам речь о том, что они присягали ему и потому должны быть готовы убивать своих братьев и отцов, если это ему понадобится.